

6. Умозрительный мистицизм

гический принцип отныне вдохновлял авторов многих ученых трудов. Ни один из них не нуждался в исследовании, подобном недавно проведенному П. Гру об отношениях, которые могли существовать между испанскими писателями XIV века и мистиками Нидерландов. Немногие вопросы представляют собой больший интерес для понимания испанского мистицизма. Ни одно исследование не может быть более взвешенным и тщательным. Так, известно, что Гру не смог обнаружить ни малейших следов испанских изданий Рейсбрука до перевода Сириуса 1692 г. Не достаточно ли причин, думал он, чтобы отказаться от своего утверждения? Во-первых, все свидетельствует о том, что переводы Йорденса и Сириуса должны были проникнуть в Испанию к 1518 или 1560 гг. Во-вторых, — и это главное, — потому, что по крайней мере «одна вещь очевидна: если голландский отшельник из Грунендела, никак не действовал сам — или очень мало, — все говорит о том, что он не мог упустить случая, когда таковой представлялся, заставить себя читать, и любил, когда читали его ученики» (П. Гру, с. 76). Когда читаешь произведения этих так называемых непосредственных «учеников», то задаешься вопросом, не Харфиус ли или Рейсбрук привили им такую любовь к чтению?

В значительной степени это несомненно. По всей линии, и особенно в весьма существенных вопросах, относящихся к вершине созерцательной жизни, это можно принять без всякого рассмотрения. Ибо для того, чтобы разрешить эти вопросы, на первый план следует поставить решающий фактор: был не один такой наставник, а трое, но особенно значимый — Харфиус. «Theologia mystica» не должна ни рассматриваться, ни использоваться как оригинальное произведение. Это — посмертный и искусственный сборник, составленный из первоначально независимых трактатов, чью строгую доктринальную однозначность нельзя предполагать заранее, но требуется доказать. В конечном счете они недоказуемы. То, что есть, —

хотя не очевидно доказуемое, но реально наблюдаемое, — это различие, касающееся глубины вещей. Эти два трактата, искусственно смешиваемые и объединяемые, суть следующие: «Рай созерцателей» («Eden contemplativorum») и «Золотое наставление для созерцателей» («Directorium aureum contemplativorum»). За «Эдемом» («Раем»), написанным по-латыни для клира к 1455 г. или около того, последовало издание, почти буквально его повторявшее, вплоть до терминов: «L'ornement des noces spirituelles». «Directorium» является латинским переводом, выполненным в 1513 г. кельнским картезианцем Петром Бломевенна с популярного трактата, выпущенного на фламандском языке между 1455 и 1460 гг., — «Зерцало совершенства» («Spiegel der volcomenheit»). Впрочем, возможно, что «Spiegel» также следовал в целом за «Ornement des noces spirituelles» — трактатом о мистической жизни, взятой в принципе и доведенной до конца — правда, он сокращает большую часть, посвященную сверхчувственному созерцанию и отказывается от его неизменного источника как раз в тот момент, когда подходит к самому главному. Тогда он обращается к более или менее ранним учителям: очевидно и несомненно — к св. Фоме Аквинскому и св. Бонавентуре (хотя, как теперь говорят, — к Псевдо-Бонавентуре, автору «Mystica theologia»; его настоящий автор — Гуго де Бальма), а также к «О семи путях к вечности» («De septem itineribus aeternitatis») Рауля де Бибраха (Raoul de Vibration), составившим, таким образом, новый «комплекс», имевший чрезвычайно важное значение для последующего развития христианской духовности на Западе. Почему же совершился этот резкий поворот в умах?